

УДК 34

DOI 10.25688/2076-9113.2021.42.2.09

П. Р. Закаева

Концепция суверенного судебного нормотворчества как основа становления сильной судебной власти: предпосылки появления и перспективы развития

В настоящей статье на основе анализа, сопоставления научно-теоретических мнений и авторских воззрений относительно сущности судебной власти и ее роли в эффективной защите прав и свобод частных лиц и публичных интересов сделан вывод о необходимости создания концепции суверенного судебного нормотворчества высших судебных инстанции (Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ). Дано обоснование недопустимости придания судебной практике высших судебных инстанций нашей страны силы судебного прецедента. Предложено расширить и конкретизировать пределы законодательной инициативы Верховного суда РФ и Конституционного суда РФ.

Ключевые слова: судебная практика; Верховный суд РФ; Конституционный суд РФ; правотворчество; конкретизация права; суверенное судебное нормотворчество; концепция суверенного судебного нормотворчества.

Совершенная действительность свидетельствует о том, что в эпоху нестабильного и постоянно меняющегося мира, когда процессы глобализации происходят стремительно быстро, возникает острая потребность в создании или хотя бы в отыскании условий для обеспечения стабильности.

Под стабильностью не следует понимать застой общественно-политического развития с отсутствием каких-либо перспектив, в том числе и отрицательных; наоборот, стабильность как политико-правовая категория необходима исключительно на базовом уровне, который бы обеспечил и беспрекословное соблюдение прав и свобод частных лиц, и эффективность работы государственного (властного) аппарата, а по итогу создал бы условия для активной последовательной модернизации всех сфер государственной и общественной жизни страны.

В настоящее время поиски стабильности и ее истоков следует искать, как и прежде, в сфере правового поля. Именно от степени развития правовой системы зависит уровень правовой защищенности человека внутри конкретного государства, а также степень успешности взаимодействия институтов гражданского общества и правового государства с публичной властью.

Представляется, что процессы глобализации, которые проникли и в сферу правового регулирования российской правовой системы, с учетом действующих политико-правовых настроений, возникающих в сфере международного частного/публичного права, есть прямой вызов внутреннему национальному правопорядку, который необходимо достойно не преодолеть, а именно встретить.

Очевидно, что тем показателем, посредством которого можно оценить степень развитости нормативно-правового регулирования, эффективность национальной правовой системы и тем самым оценить степень правовой защищенности частных/публичных субъектов в различных отношениях, выступают процессы отправления правосудия. Именно судебная власть является отражением той правовой действительности, которая фактически существует внутри страны, так как представители судебной власти (не только судьи, но и их помощники/секретари) ежедневно в процессе своей профессиональной деятельности сталкиваются с материальным и процессуальным правом, и, как следствие, все недочеты, коллизии и противоречия, имеющиеся в действующих источниках права, проявляются именно при разрешении конкретных дел.

Сразу же отметим, что, несмотря на то что в ситуациях как фактической, так и в особенности правовой неопределенности, у любого государства в настоящее время имеется множество путей развития своей правовой системы, но это множество не безгранично, оно ограничено, как представляется автору статьи, спецификой национальной правовой культуры. В данном аспекте стоит сразу же сказать и о том, что конфликт российского и европейского правопорядков, который имеет место быть в настоящее время вследствие наличия многочисленных и достаточно сомнительных с точки зрения логики и практики применения решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), именуемый в доктрине международного права как принципиальное сопротивление, все же не свидетельствует о необходимости создания барьеров для изоляции российской правовой системы [17, с. 79–89].

Эффективность взаимодействия с наднациональными международными институтами защиты прав человека и судебными инстанциями должна быть обеспечена посредством заимствования с последующей корректировкой идей и мыслей, возникших в международном праве.

Современная юридическая наука, как нам представляется, именно с целью преодоления ситуации правовой неопределенности, обусловленной несовершенством действующего позитивного права, нормы которого часто не способны должным образом регулировать сложные, неустойчивые и быстро развивающиеся общественные отношения, выработала точку зрения относительно судебного нормотворчества, в соответствии с которой судебные инстанции, и в первую очередь высшие суды, не просто выступают в качестве интерпретаторов законодательных положений, но и берут на себя роль так называемых «мягких» или «негативных» законодателей, осуществляющих не просто толкование права, но и его созидание посредством конкретизации норм, установления их истинного смысла [7, с. 33–43]. Высшие суды, как указывают многие

представители современной юридической науки, применяя норму права *Contra Legem* (факт. — «против буквы закона»), создают правовую позицию, которая распространяет свое действие не только на конкретный спор, но и выступает общей моделью законного и обоснованного поведения до тех пор, пока федеральный законодатель не устранил пробел в официальном источнике [8]. Судебной практике уделяется значительное внимание авторитетных ученых и специалистов, работающих в сфере науки о государстве и праве. Так, в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ сформирован специальный отдел, целью которого является изучение процессов имплементации результатов судебного нормотворчества в действующее законодательство [10, с. 5–21].

Вместе с тем, не оспаривая наличие в российской правовой действительности такого феномена, как судебное нормотворчество высших судебных инстанций, и подчеркивая необходимость существования этого правового явления и его последующего научно-практического осмысления, отметим, что эффективность реализации нормотворческой роли высших судебных инстанций и, как следствие, укрепление авторитета национальной судебной практики требуют установления единого подхода, иначе говоря, вектора, в соответствии с которым правоконкретизационные полномочия судебной власти будут не просто признаваться всеми публичными субъектами государственной власти, но и приобретать императивный характер.

Полагаем, что современная правовая система нуждается в установлении и развитии концепции суверенного судебного нормотворчества. *Именно суверенное судебное нормотворчество высших судебных инстанций* может способствовать качественному и последовательному функционированию механизма систематизации судебной практики, результатом которого будут выступать общие правоположения, конкретизирующие смысл той или иной нормы либо вовсе создавшие правило поведения в ситуациях, которые действующее законодательство напрямую не урегулировало. Полагаем, что без создания и нормативного закрепления концепции суверенного судебного нормотворчества невозможно рассчитывать на повышение авторитета не только судебной власти, но и всей правовой системы нашей страны.

Безусловно, становление суверенного судебного нормотворчества — это процесс не одного дня или даже десятилетия, но основы для данной концепции следует заложить в нормативно-правовое регулирование уже сейчас. К тому же сегодня уже имеются реальные предпосылки для формирования прочного правового фундамента такой концепции.

Изначально скрытым поводом для поиска собственной самобытности могли стать (вследствие активной свободы усмотрения) решения ЕСПЧ по делам против РФ, в которых, помимо указания на исполнение индивидуальных мер в виде присуждения денежных сумм, суд указывал на необходимость и важность принятия общих мер в виде изменения внутреннего, в первую очередь конституционного законодательства, что требовало не просто изменений посредством

издания федерального конституционного закона, а вовсе вынуждало принять новый текст Основного закона страны. Вследствие чего Конституционный суд РФ (КС РФ) принял ряд знаковых постановлений (от 14 июля 2015 года № 21–П, от 19 апреля 2016 года № 12–П и от 19 января 2017 года № 1–П), в которых признал невозможным исполнение решений по делам «Анчугов и Гладков против России» и «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» поскольку предписание ст. 32 ч. 3 Конституции РФ обладает верховенством и высшей юридической силой в российской правовой системе. Общим посылом, взятым за основу КС РФ, было указание на то, что решения наднациональных судов, включая ЕСПЧ, не должны вступать в противоречие и конфликт с правовыми положениями, установленными Конституцией РФ, а интерпретация и толкование положений Конвенции о правах человека со стороны ЕСПЧ не должны переходить тонкую грань, за которой начинается пополнение существующих внутренних законов страны произвольными нормативными положениями [3].

Следующей и наиболее значимой предпосылкой для появления концепции суверенного судебного нормотворчества являются масштабные поправки к Конституции РФ, предложенные Президентом РФ, которые существенным образом видоизменяют и укрепляют правовой статус не только органов публичной власти, но и в целом устанавливают новые императивы для основ конституционного строя, делая их самобытными и сугубо индивидуальными (к примеру, закрепление конституционного статуса брака как союза между мужчиной и женщиной, семьи как основы развития общества, упоминание о Боге и т. д.).

Отдельно нельзя не сказать о том, что обновленный текст Конституции РФ в положениях ст. 79 предусматривает, что решения межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, принятые на основании положений международных договоров, не подлежат исполнению на территории нашей страны, если такие решения межгосударственных органов приняты в истолковании, которое противоречит смыслу и духу Основного закона нашей страны и (или) создает риск нарушения публичного правопорядка, либо порождает угрозу для национального суверенитета [2].

В развитие данных конституционных положений Конституционный суд РФ получил новые полномочия, в соответствии с которыми, в том числе и по запросу Президента РФ, будет разрешаться вопрос о допустимости исполнения на территории РФ решений данного межгосударственного органа (п. 3.2 ст. 3 и ст. 104.1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). К слову, схожие полномочия уже ранее были делегированы органу конституционного контроля, который оценивал и продолжает оценивать в порядке, предусмотренном федеральным конституционным законом, допустимость и необходимость исполнения на территории РФ решений международного суда (см. ст. 104.5 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») [1].

Не анализируя порядок и не давая оценку основаниям, которыми будут руководствоваться судьи КС РФ при вынесении заключения по указанным

вопросам, считаем необходимым поддержать нормативно-правовое закрепление на конституционном уровне примата национального права над международным правом. Более того, о том, что только национальная судебная практика высших судебных инстанций нашей страны может наилучшим образом справиться с наличием правовой неопределенности в условиях не просто нехватки времени для осуществления оперативного и качественного законодательного процесса, а именно при наличии экстраординарных жизненных ситуаций и вызовов, с которыми сталкивается современное российское общество, свидетельствует активная правоконкретизационная деятельность Верховного суда РФ, который в период распространения новой коронавирусной инфекции в специальных тематических обзорах не только разъяснил порядок реализации указов Президента РФ, но и прямо установил конкретный, ранее неизвестный внутреннему правопорядку, порядок применения норм об аренде, займе (кредите), обстоятельствах непреодолимой силы [5].

В свою очередь, деятельность Конституционного суда РФ, проводимая во взаимодействии с Верховным судом РФ, позволяет скорректировать практику применения в надлежащем аспекте и (или) дать общеобязательные указания для неопределенного круга лиц о необходимости устранения пробелов в законодательстве посредством разъяснений, содержащихся в обзорах ВС РФ.

К примеру, оценивая вопрос о стоимости недвижимого имущества, полученного в дар налогоплательщиком, с которого в соответствии с требованиями налогового законодательства ему предстоит уплатить налог на доходы физических лиц, орган конституционного контроля сослался на п. № 6 Обзора ВС РФ относительно практики применения гл. 23 Налогового кодекса РФ, утвержденного Президиумом ВС РФ от 21.10.2015, в соответствии с которым налоговая база при осуществлении безвозмездных сделок с недвижимостью (включая дарение) между физическими лицами должна устанавливаться исходя из кадастровой стоимости полученного по сделке имущества [4].

Указанные примеры позволяют сделать вывод о том, что национальная судебная практика в настоящее время является особым средством правовой защиты, обладающим правоконкретизационными функциями, позволяющими оперативно и качественно разрешить спорную ситуацию, напрямую нерегулируемую нормами действующего законодательства, которое действует в качестве промежуточного акта (до внесения изменений в нормативно-правовой акт), обладающего нормативным характером.

Примечательно, что среди представителей современной науки конституционного права и теории о государстве и праве имеется распространенное мнение о том, что эффективная реализация идеи судебного нормотворчества возможна только с помощью закрепления на законодательном уровне за судебной практикой высших судебных инстанций статуса источника права в виде прецедента.

По мнению отдельных авторов, судебный прецедент в нашей стране должен получить нормативное закрепление, при этом совсем не обязательно, чтобы

это было сделано в Конституции РФ, вполне достаточно корректировки отраслевого и узкопредметного законодательства [11, с. 92–99].

Имеются и более радикальные научно-теоретические воззрения, согласно которым такое явление, как судебное усмотрение, при разрешении той или иной категории дел является негативным аспектом правосудия, который порождает произвол и беззаконие, и чтобы этого не допустить, как раз и необходимо закрепить прецедент в качестве источника права [15, с. 63–67]. В развитие данного мнения отдельные авторы добавляют, что при наличии официального закрепления судебного прецедента в качестве самостоятельного источника права судья уже не сможет принимать решения исключительно на основе субъективных установок и собственных усмотрений, а будет полностью подчинен праву и букве закона [6, с. 9–15].

В свою очередь, не соглашаясь с указанными мнениями о необходимости отнесения к источникам права судебного прецедента, считаем важным обратить внимание на мнение Т. Г. Морщаковой, которая, рассматривая сущность судебного прецедента в практической деятельности, отмечает его негибкость, немобильность и неспособность оперативно отвечать на нестандартные вопросы, возникающие в практической деятельности; по мнению данного автора, судебный прецедент полностью ограничивает свободу усмотрения судьи [12, с. 182–189]. Аналогичные мнения о негативной природе прецедента высказывают и иностранные исследователи. Так, Р. Кросс пишет о том, что судебный прецедент носит принудительный характер, в связи с чем английские суды обязаны следовать ранее принятому решению даже в тех ситуациях, когда имеются достаточно убедительные доводы, которые в иных обстоятельствах позволили бы не делать этого [9].

Кроме того, правовой системе нашей страны и самобытной российской правовой культуре попросту чужд такой источник права, как прецедент, для успешности использования которого в первую очередь необходима многовековая стабильность в применении норм закона.

Справедливыми представляются утверждения ряда авторов, отмечающих, что в континентальной правовой системе, к которой относится и Российская Федерация, нормотворчество высших судебных инстанций носит дополнительный к законам характер и применяется только в тех ситуациях, когда закон окончательно не ясен или не конкретен [14, с. 17–20].

Таким образом, только концепция суверенного судебного нормотворчества наилучшим образом подойдет российской правовой системе в качестве фактора, обеспечивающего эффективное развитие идеи судебного нормотворчества и позволяющего при этом осуществлять качественную систематизацию многочисленных правовых позиций и их имплементацию в действующее законодательство. Более того, эта концепция позволит разрешать дело, применяя оценочные правовые категории и апеллируя к ним, руководствуясь при этом не только буквой закона, но и индивидуальным усмотрением. К примеру, такая оценочная категория, как добросовестность участников гражданско-правовых

отношений, имеет место быть в различных правопорядках, тем не менее сущность данной категории индивидуальна и связана с особенностями внутреннего менталитета страны и обычаями делового оборота, которые известны внутринациональным судебным инстанциям.

Именно благодаря предложенной концепции конкретизация права и достижение правовой определенности будет происходить максимально оперативно, так как судьи высших судебных инстанций получают должную свободу и смогут разрешать дела с учетом конституционного принципа пропорциональности и фактических обстоятельств внутринациональной действительности.

Заканчивая с предпосылками появления концепции суверенного судебного нормотворчества, считаем необходимым обозначить перспективы в виде законодательных векторов, которые необходимо реализовать в самом ближайшем времени для введения данной концепции и, как следствие, для повышения властного характера правовых позиций высших судебных инстанций. Кроме того, полагаем, что введение концепции суверенного судебного нормотворчества будет способствовать еще и укреплению законотворческого процесса в условиях цифровизации, тенденции и идеи которой начинают все сильнее проявляться в правовом пространстве [13, с. 5–13].

Кратко дадим итоговые пожелания.

Во-первых, в законодательства о судебной системе, Верховном и Конституционном судах РФ следует закрепить принцип суверенного судебного нормотворчества, сущность которого сводилась бы к тому, что систематизированная правовая позиция высших судебных инстанций, принятая в рамках конкретной отрасли к конкретному институту данной отрасли, обладает свойством промежуточного нормативного судебного акта, имеющего силу общеобязательной модели применения при разрешении конкретных дел.

Правоконкретизационные правовые позиции имеют общеобязательную силу ровно до тех пор, пока федеральный законодатель не проведет изменение норм действующего законодательства с учетом и (или) полностью на основе данной правовой судебной позиции.

Во-вторых, для формирования качественных последовательных и мотивированных правоконкретизационных правовых позиций следует позволить высшим судебным инстанциям при рассмотрении дела в порядке надзора, наличии признаков существенных нарушений норм материального/процессуального права по гражданским и экономическим спорам, особой значимости рассматриваемой категории дел, принципиального правового вопроса рассматривать дело по существу с принятием не промежуточного судебного акта об отмене решений нижестоящих судов и направлением дела на новое рассмотрение, а с необходимостью принятия итогового решения, имеющего окончательный характер и содержащего мотивированную правовую позицию, имеющую общеобязательный характер.

Подобная реновация надзорной и кассационной инстанций Верховного суда РФ позволит снизить поток жалоб в ЕСПЧ, поскольку создаст еще одно

эффективное средство правовой защиты внутри страны по смыслу ст. 13 Европейской конвенции о правах человека.

В-третьих, в рамках концепции суверенного судебного нормотворчества следует задуматься и о расширении предмета законодательной инициативы Верховного и Конституционного судов РФ. Как справедливо отмечают отдельные авторы, следует наделить указанные высшие судебные инстанции правом законодательной инициативы в отношении любых общественных и государственных вопросов, так как в процессе своей деятельности суды всегда с ними сталкиваются и поэтому могут объективно оценить и выявить существующие недостатки действующего законодательства [16, с. 15–20].

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.
2. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2016 № 12–П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 5.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.09.2018 № 2464–О // Документ официально опубликован не был.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2020 № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Богдановская И. Ю. Концепция судейского нормотворчества в правовой доктрине стран общего права // Современное право. 2013. № 11. С. 9–15.
7. Жуйков В. Конституционные поправки и независимость суда / В. Жуйков, Л. Воскобитова, В. Ярков и др. // Закон. 2020. № 2. С. 33–43.
8. Карапетов А. Ю. Борьба за признание судебного нормотворчества в европейском и американском праве. М.: Статут, 2011. 308 с.
9. Кросс Р. Прецедент в английском праве // под общ. ред. Ф. М. Решетникова. М.: Юридическая литература, 1985. 238 с.
10. Лазарев В. В., Фурсов Д. А. Обоснование идеи имплементации судебных решений в законодательные акты // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 5–21.
11. Лазарев В. В. Нормативная природа судебного прецедента // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 92–99.

12. Морщакова Т. Г. Конституционная и судебная имплементация европейской конвенции по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. С. 182–189.
13. Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.
14. Прокопович Г. А. Судебное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Российский судья. 2015. № 5. С. 17–20.
15. Свирин Ю. А. Влияние правовой позиции суда на цивилистические правоотношения и единообразие судебной практик // Современное право. 2018. № 4. С. 63–67.
16. Стеничкин Н. Г. Вопросы ведения Верховного Суда Российской Федерации при реализации права законодательной инициативы // Российское правосудие. 2020. № 10. С. 15–20.
17. Толстых В. Л. «Принципиальное сопротивление» решениям Европейского суда по правам человека в свете критической теории // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 79–89.

Literatura

1. Federal'ny'j konstitucionny'j zakon ot 21.07.1994 № 1-FKZ «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» (v red. ot 09.11.2020) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 25.07.1994. № 13. St. 1447.
2. Zaklyuchenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.03.2020 № 1-Z «O sootvetstvii polozheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitucii Rossijskoj Federacii ne vstupivshix v silu polozhenij Zakona Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii “O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'ny'x voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti”, a takzhe o sootvetstvii Konstitucii Rossijskoj Federacii poryadka vstupleniya v silu stat'i 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossijskoj Federacii» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2020. № 2.
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 19.04.2016 № 12–P «Po delu o razreshenii voprosa o vozmozhnosti ispolneniya v sootvetstvii s Konstituciej Rossijskoj Federacii postanovleniya Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyulya 2013 goda po delu “Anchugov i Gladkov protiv Rossii” v svyazi s zaprosom Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii» // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2016. № 5.
4. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.09.2018 № 2464–O // Dokument oficial'no opublikovan ne by'l.
5. Obzor sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21.04.2020 № 1 // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Bogdanovskaya I. Yu. Koncepciya sudejskogo normotvorchestva v pravovoj doktrine stran obshhego prava // Sovremennoe pravo. 2013. № 11. С. 9–15.
7. Zhujkov V. Konstitucionny'e popravki i nezavisimost' suda / V. Zhujkov, L. Voskobitova, V. Yarkov i dr. // Zakon. 2020. № 2. S. 33–43.
8. Karapetov A. Yu. Bor'ba za priznanie sudebnogo normotvorchestva v evropejskom i amerikanskom prave. M.: Statut, 2011. 308 s.
9. Kross R. Precedent v anglijskom prave // pod. obsh. red. F. M. Reshetnikova. M.: Yuridicheskaya literatura, 1985. 238 s.
10. Lazarev V. V., Fursov D. A. Obosnovanie idei implementacii sudebny'x reshenij v zakonodatel'ny'e akty // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 11. S. 5–21.

11. Lazarev V. V. Normativnaya priroda sudebnogo precedenta // Zhurnal rossijskogo prava. 2012. № 4. S. 92–99.
12. Morshhakova T. G. Konstitucionnaya i sudebnaya implementaciya evropejskoj konvencii po pravam cheloveka // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2016. C. 182–189.
13. Pashencev D. A. Rossijskaya zakonotvorcheskaya tradiciya pred vy'zovom cifrovizacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 2. S. 5–13.
14. Prokopovich G. A. Sudebnoe pravotvorchestvo v sovremennom ponimanii: realii i perspektivy // Rossijskij sud'ya. 2015. № 5. C. 17–20.
15. Svirin Yu. A. Vliyanie pravovoj pozicii suda na civilisticheskie pravootnosheniya i edinoobrazie sudebnoj praktik // Sovremennoe pravo. 2018. № 4. C. 63–67.
16. Stenichkin N. G. Voprosy vedeniya Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii pri realizacii prava zakonodatel'noj iniciativy // Rossijskoe pravosudie. 2020. № 10. S. 15–20.
17. Tolsty'x V. L. «Principial'noe soprotivlenie» resheniyam Evropejskogo suda po pravam cheloveka v svete kriticheskoj teorii // Mezhdunarodnoe pravosudie. 2018. № 1. S. 79–89.

P. R. Zakaeva

**The Concept of Sovereign Judicial Rule-Making as the Basis
for the Formation of a Strong Judiciary:
Preconditions for the Emergence and Development Prospects**

In this article based on the analysis the comparison of scientific and practical opinions and the author's views on the essence of the judiciary and its role in the effective protection of the rights and freedoms of individuals and public interests it is concluded that it is necessary to create a concept of sovereign judicial rule-making of the highest courts (the Supreme Court of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation). The substantiation of the unacceptability of giving the judicial practice of the highest courts in our country the function of a judicial precedent is given. It is proposed to expand and specify the limits of the legislative initiative of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: Judicial practice; the Supreme Court of the Russian Federation; the Constitutional Court of the Russian Federation; lawmaking; concretization of law; sovereign judicial rulemaking; the concept of sovereign judicial rulemaking.